

Левая,

правая

где

сторона?

ОДНАКО...

Журнал и сценарий (приложение к Сов. культуре) - 1990 - Март/Апрель 86-7

К

ОГДА Я СТОЯЛА в очереди за пальто среди возбужденной публики, перекочевавшей из Большого зала консерватории на лестницы, у меня состоялся прелюбопытный разговор.

Моя бывшая преподавательница, прекрасный музыкант, умница, нашептывала мне на ухо, чтобы никто не услышал: «Мне это не близко, я убеждена, что за блестящим умением манипулировать звуками ничего не стоит. Но представьте, если я об этом скажу вслух».

Мы медленно спускались по лестнице, и я представила, что действительно было бы, если она бы и впрямь высказалась в полный голос. Испепеляющие взгляды, презрительные усмешки, уничтожающие реплики! На концерт ансамбля «Интерконтампорен», руководимого радикалом-авангардистом Пьером Булезом, пришла не менее радикальная публика. Ну просто парад левых! Впрочем, учитывая, что в зале сидели Т. Хренников, министр МВД В. Бакагин, то не только. Но с восторгом хлопали все после каждого номера. Этакая прогрессивная элита страстных поклонников «игры в бисер».

Еще недавно презрение «левых», сторонников авангарда, к чему бы то ни было эстетически не родственному, некая интеллигентная агрессия внушали даже симпатию. Концерты авангарда были не просто редкими: их практически не существовало, если не считать крамольных прослушиваний в узком кругу. Музыканты передавали, как подпольную литературу, ноты тех, кто устрашал своим максимализмом поиска новых звучаний.

Булез, Штокгаузен, Луиджи Нони... Для консерваторской молодежи сами имена были овеяны романтикой и тайной, обещали нечто чудесное и неизведанное, за ними мнилось некая запретная истина и откровение. Теоретики, дрожа над засекреченными нотами, корпели, анализируя инверсии, ракоходы упивались, анатомизируя фактуру, препарируя созвучия. Эстетическая нетерпимость воспринималась тогда как позиция непризнанных и была объяснима.

И вот в ореоле своей славы Пьер Булез приезжает в Москву. Действительно блестящий музыкант. Композитор, дирижер, пианист, директор Парижского института акустико-музыкальных исследований и координаций, теоретик, общественный деятель. Мож-

но перечислять еще. Его приезд, организованный с советской стороны Госконцертом, — еще одно официальное признание авангарда, а если шире — свободы поиска музыкальных средств, следующий шаг за реабилитацией отечественного авангарда.

Но не могу радоваться так же безоглядно, как это делали сидевшие в концерте на галерке студенты. Нет, я не против новой музыки. Я за то, чтобы она как можно больше звучала. Я понимаю, что нам предстоит догонять вперед ушедших «там, на Западе». Да, мы отстали в музыкальной информированности лет эдак на 60 (условно точкой отсчета беру премьеру «Воццека» Берга). У нас был нарушен естественный обмен идеями, а делавшая стремительные шаги к единению европейская культура была отгорожена железным занавесом. Как и на многое другое, на авангард было наложено табу и приклеен ярлык «буржуазный». И все же теперь, когда Софья Губайдулина (я вас обожаю!) вошла в Комитет по Ленинским и Государственным премиям, когда Альфред Шнитке выдвинут (и справедливо!) на Ленинскую премию, когда Эдисон Денисов (новый секретарь правления СК СССР) становится левой рукой Тихона Хренникова (левая, правая где сторона?!), и вообще левое весло нашего искусства гребет все активнее (куда же лодка движется — не туда ли, когда гребло только правое?), я перестала к интеллигентной агрессии апологетов авангарда относиться с симпатией. Мне понятен страх моей бывшей преподавательницы.

На встрече во Всесоюзном доме композиторов Пьер Булез сравнил находки новых средств выразительности в музыке с открытием сочетания стекла, бетона, металлических конструкций, которое дало возможность строить небоскребы. Музыка, по мнению Пьера Булеза, может воплощать новые идеи благодаря усиленному поиску новых средств, круг которых, как я поняла, суждено очертить представителям авангарда. Справедливо. Но ведь продолжают строить не только из стекла и бетона!

Я, например, предпочитаю кирпичные дома, а о деревянном бы мечтала, да слишком уж нереально! И почему нужно грести только левым веслом? Почему говорить об этом стало неприлично? Ведь разве может быть неприличным искреннее высказывание собственного мнения? Зачем нам порождать очередную ложь нашего единства? Я за авангард. Но сегодня мне ближе эстетическая терпимость, тем более что за пределами очерченного авангардом круга (или квадрата?) так много интересного, способного увлечь, кстати, не только Магистров и не только игрой в бисер.

Вера КОЛОСОВА.